

Хухуни Георгий Теймуразович, Осипова Анна Александровна

БИБЛЕЙСКИЙ ПЕРЕВОД В РОССИИ: "АРХАИСТЫ" И "МОДЕРНИЗАТОРЫ"

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с историей передачи Библии на русский язык. Отмечается, что важнейшую роль в разработке принципов библейского перевода в России сыграл статус церковнославянской версии, фактически (хотя и не формально) санкционированной в качестве официально признанного текста РПЦ и до сих пор применяемой в богослужебной практике. В связи с этим при создании русской Библии неизбежно ставился вопрос о степени её "славянизации", обусловивший наличие в различных переводах как "архаизирующей", так и "модернизирующей" тенденции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 199-203. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

CATEGORY OF POLITENESS AND VOCABULARY DESCRIBING IT

Khesed Lidiya Aleksandrovna
Russian State University for the Humanities
Lidakhe@yandex.ru

The author describes the notions of politeness and polite behaviour by the material of the modern Russian language, as well as analyzes some lexical units belonging to the semantic field of these notions, reveals the features of politeness as the characteristics of human communicative behaviour, suggests the interpretation of the notion designating such behaviour, and shows that the analysis of words “politely”, “polite”, “politeness”, which form the core of politeness semantic field, allows determining the semantic components that form this notion, as well as substantially complete the description of these units presented in modern dictionaries.

Key words and phrases: philology; linguistics; polite behaviour; politeness; etiquette.

УДК 81`27

Филологические науки

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с историей передачи Библии на русский язык. Отмечается, что важнейшую роль в разработке принципов библейского перевода в России сыграл статус церковнославянской версии, фактически (хотя и не формально) санкционированной в качестве официально признанного текста РПЦ и до сих пор применяемой в богослужебной практике. В связи с этим при создании русской Библии неизбежно ставился вопрос о степени её «славянизации», обусловивший наличие в различных переводах как «архаизирующей», так и «модернизирующей» тенденции.

Ключевые слова и фразы: Библия; перевод; архаизация; модернизация; текст; русский; церковнославянский.

Хухуни Георгий Теймуразович, д. филол. н., профессор
Московский государственный областной университет
khukhuni@mail.ru

Осипова Анна Александровна, к. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет
assya@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЙ ПЕРЕВОД В РОССИИ: «АРХАИСТЫ» И «МОДЕРНИЗАТОРЫ»©

Как известно, одна из наиболее интересных, ярких и вместе с тем драматичных (а порой и трагичных) страниц в истории перевода (речь идёт о христианском культурном ареале) связана с межъязыковой передачей книг Священного Писания на «народные» языки, говоря о которой, традиционно противопоставляют две традиции. С одной стороны, католический Запад с пресловутой «теорией триязычия» и запретом подобной деятельности (преодоление которого стало если не одной из причин, то, несомненно, одним из поводов Реформации). С другой – православный Восток, где «триязычники-пилатники» признавались еретиками и где – как утверждал в полемике с ними создатель славянской письменности – «Мы же многы роды знаем, книги имеюща и Богоу славу воздающа своим языком каждо» [8].

В реальности дело, разумеется, обстояло несколько сложнее. В определённой степени «живая речь» звучала и в стенах католических храмов, поскольку ещё в 831 г. решением Турского Собора были разрешены проповеди на народных языках (без чего какое бы то ни было просвещение паствы было просто невозможно). Что до «своего языка» в православно-славянском культурном ареале, здесь опять-таки требуются некоторые оговорки. Как давно и неоднократно отмечалось в специальной литературе, «старославянский язык – не разговорный язык славян IX века, но язык, специально созданный для переводов христианской литературы и создания собственных славянских религиозных произведений. Из этого следует, что старославянский язык просто не мог совпадать с живым языком того же времени» [13], а «синтаксис старославянского языка не отражает живой речи славян; он изобилует калькированными конструкциями, возникшими вследствие дословного перевода» [22]. Вместе с тем «он был понятен говорящим на славянских языках и в своей фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе, а не употребляемая в разговорном языке лексика оказывалась связанной с новой религией, заучивалась, входила в употребление вместе с новой верой» [13]. Это привело к своеобразной ситуации, когда, по замечанию Б. А. Успенского, «члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя... естественно видеть два разных языка» [24, с. 6]. Показательно в этой связи приведённое в своё время Б. А. Лариним свидетельство работавшего преимущественно в Англии немецкого филолога XVII в., автора грамматики

русского языка Г. В. Лудольфа: «Для русских знание славянского языка необходимо, потому что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком... Но точно так же, как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот – в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым изучается славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянскому» [11].

Хотя уже применительно к XVIII столетию положение о необходимости «писать по-славянскому» в буквальном смысле слова явно устарело, представление о церковнославянском языке как возвышенном «своём» держалось ещё длительное время. И понятно, что глубже и сильнее всего оно должно было сказаться именно в религиозно-сакральной сфере, в частности, поскольку речь шла о текстах Священного Писания. Славянский перевод Библии, не имея *официально* статуса «богодуховенного» и «равного оригиналу» (хотя попытки придать ему таковой и предпринимались), как это имело место в католической традиции по отношению к Вульгате, *фактически* занимал в отечественной культурно-религиозной традиции аналогичное положение. Как известно, сам процесс создания русского текста Священного Писания, сопровождавшийся немалыми сложностями (см., в частности, подробное рассмотрение данного вопроса в известных работах И. А. Чистовича [25], М. И. Рижского [20] и ряде других исследований), завершился, по существу, лишь в 70-е годы позапрошлого столетия, когда вышел в свет знаменитый Синодальный перевод, до сих пор занимающий среди «русских Библий» если не монополю, то, во всяком случае, наиболее значимую позицию.

Отметим, однако, один существенный момент. В протестантской традиции перевод на местный язык предназначался как для «назидательных» (чтение и знакомство с библейским текстом), так и для литургических (богослужение) целей – вспомним замечание М. В. Ломоносова о расцвете немецкой литературы после того, как «немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своём языке» [12, с. 395]. В православии дело обстоит несколько иначе: в XIX столетии вопрос стоял о создании русской Библии исключительно для решения первой задачи. Как отмечалось в этой связи в решениях Святейшего Правительствующего Синода, «перевод на русский язык... Священного Писания необходим и полезен, но не для употребления в церквях, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священного Писания» [23].

Таким образом, возникала ситуация своего рода «духовного двуязычия», продолжавшегося в известной мере и в наши дни (в католической традиции оно было снято после решений Второго Ватиканского собора, позволившего в 60-е годы прошлого века богослужение на народных языках). Стремление уменьшить это расхождение между «слышимым» церковнославянским и «читаемым» русским текстами отразилось и в Синодальном переводе, создатели которого оказались перед дилеммой выбора между традицией и понятностью. Естественно, разрешить её полностью было невозможно, и это привело к тому, что, как неоднократно отмечалось многими авторами, «самая серьезная критика предьявляется СП со стороны языка, причем порой с совершенно разных позиций» [17]. С одной стороны, предлагалось (в частности, одним из виднейших отечественных библеистов начала прошлого столетия И. Е. Евсеевым) «поставить перевод на уровень литературных требований и доставить ему соответственное влияние... дать не отсталый ремесленный, а художественный, творческий перевод, притом с постоянным попечением о его усовершеннии» [7]. Логичным завершением такого «лингвистического модернизма» можно считать появление уже в наши дни различных «современных версий» Библии. Наиболее известен среди них вышедший в 2011 году перевод Российского Библейского общества [3], вызвавший довольно неоднозначную реакцию. С другой стороны, не менее естественной была и «архаизирующая» реакция, представители которой ставили себе целью, говоря словами К. П. Победоносцева, создать «перевод на языкъ достойномъ славянскаго подлинника, на языкъ, который не тревожилъ бы уха знакомаго съ гармоніей церковнаго чтенія» [18].

Характерным представляется пассаж о «славянском подлиннике». Будучи, разумеется, абсолютно некорректным в филологическом плане (а чем же тогда является греческий текст Евангелия?), он тем не менее был вполне логичен для «архаистов» в культурно-историческом аспекте. Тем самым подчёркивалась вторичность «вспомогательного» русского текста по отношению к «первичному» для богослужебно-литургических целей церковнославянскому. (Кстати, как отмечалось в специальной литературе, когда образованное в 1813 году Библейское общество приступило к выпуску переводов Священного Писания, «сам перевод Нового Завета официально именовался приложением со славянского (а не с греческого) наречия на российский, и печатался он первоначально только параллельно со славянским текстом» [20, с. 170].

Здесь представляется целесообразным коснуться ещё одного момента. Сам по себе вопрос о переводческой стратегии в отношении библейского текста («архаизация»/«модернизация») с теоретической точки зрения не связан напрямую с поставленной почти столетие назад и поныне вызывающей острые дискуссии проблемой русификации богослужения, относящейся уже не к филологической, а к ритуальной стороне деятельности Русской Православной Церкви. Однако на практике дело обстоит несколько по-иному: «архаисты», ориентирующиеся на церковнославянский текст, относятся к такой перспективе резко отрицательно, тогда как «модернисты» (обычно, правда, с теми или иными оговорками) занимают по отношению к ней гораздо более благожелательную позицию. Этот аспект отмечали и сами участники указанной полемики, обращаясь к истории создания русской Библии в XIX столетии: «Знакомство с обстоятельствами эпохи

подтверждает, что ситуация вокруг перевода Библии на русский язык является по своей сути зеркальной по отношению к современному вопросу о языке богослужения. Аргументы меняются, но вопрос, по сути, один: должна ли Церковь предпринять усилие, чтобы донести до людей Божье слово на родном для них языке, или же сами люди, овладевая «священным языком», должны познавать учение Церкви?» [10]. Однако данный вопрос, естественно, выходит за рамки настоящей статьи.

Возвращаясь к собственно переводческой проблематике, отметим, что степень как «модернизации», так и «архаизации» библейского текста может быть весьма различной. Так, вошедшие в упомянутый выше «Современный перевод» ветхозаветные книги, работа над которыми осуществлялась под редакцией М. Г. Селезнёва, с одной стороны, и новозаветная часть, представленная небезызвестной «Радостной вестью» В. Н. Кузнецовой, – с другой, несомненно, относятся к «модернизирующим» версиям. Однако расхождения между их создателями оказались весьма серьёзными, что повлекло за собой и определённые организационные последствия [16].

Что касается Синодального перевода, то его «архаизированность» неоднократно отмечалась различными авторами, причём как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Так, в одном из трудов, посвящённых истории библейского перевода в России, читаем: «Существенное достоинство перевода Библии, изданной по благословению Св. Синода, составляют верность и точность, доходящие до буквальной передачи подлинника. Удержано в нем много старославянских речений» [23]. Полностью противоположным является мнение И. Е. Евсева, чьи слова, относящиеся ещё к началу XX столетия, неоднократно цитировались в специальной литературе: «Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век: это совершенно недопустимый в литературе язык еще допушкинского времени, не скрашенный притом ни полетом вдохновения, ни художественностью текста» [7]. Более сдержанную, но по существу аналогичную оценку находим в трудах современного библеиста А. С. Десницкого, указывавшего, что входящие в него переводы представляют собой «традиционные тексты, близкие к дословности» [5]. Аналогичная характеристика даётся и версии К. П. Победоносцева, хотя последний «считал, что СП должен быть приближен к славянскому тексту» [17]. Именно эта установка и вызвала явно негативное отношение к нему со стороны современных «модернистов»: «После перевода Победоносцева стало уже невозможным требовать особой близости русского текста к славянскому, поскольку здесь это было реализовано в наивысшей степени и продемонстрировало ненужность подобной близости и даже вред. "Опыт" Победоносцева, где главное внимание уделялось созданию нового искусственного языка, который должен был быть близок (преимущественно по своему звучанию) к славянскому, этот опыт получился отрицательный. Но неудачный результат есть тоже результат, так как он закрывает своим примером путь, ведущий в тупик» [14].

В последние годы внимание исследователей привлёк перевод Нового Завета, выполненный В. А. Жуковским, научное издание которого вышло в свет несколько лет назад [15]. Его отличительной чертой также называют максимальную «славянизированность», хотя оценка «сближенности со славянским» у некоторых писавших о нём авторов уже прямо противоположная: «Текст чарует особой красотой и поэтической мерностью. Человек, знающий Новый Завет, скажем, по синодальному переводу, читая перевод Жуковского, попадает под обаяние особой стилистики, которую выбирает великий поэт. Перевод насыщен и перенасыщен церковнославянскими, но это сделано с таким вкусом, с такой любовью к русскому языку и тому его сегменту, который связан с церковно-славянской лексикой, что может вызвать только восхищение. Оказывается, церковнославянские, благодаря усилиям наших поэтов и прозаиков, настолько глубоко вошли в русский язык, что их многократное объемное увеличение, при условии того дарования, каким обладал Жуковский, придает особый стилистический налет тексту: это высокое, не лишённое таинственной важности и простоты, повествование» [1]. Думается, что столь различная оценка по существу одной и той же методологии воссоздания библейского текста (а, как отмечалось в специальной литературе, «высокопоставленным лицом, по инициативе которого было осуществлено издание, был К. П. Победоносцев» [19]) наглядно свидетельствует о том, что дискуссия между «архаизаторами» и «модернизаторами» имеет и в наши дни отнюдь не только исторический интерес...

Разумеется, при рассмотрении версий В. А. Жуковского и К. П. Победоносцева нельзя не учитывать того обстоятельства, что первая создавалась в 40-е годы XIX столетия, т.е. задолго до выхода в свет Синодального перевода, тогда как вторая, вышедшая в свет в 1906 г., в определённом отношении сознательно противопоставлялась последнему. Об этом свидетельствуют слова автора издания о своих предшественниках: «...Сдѣланъ первый опытъ, который, по трудности этого дѣла, конечно, не могъ быть совершеннымъ. Необходимо продолжать эти опыты...» [18]. Однако вместе с тем целесообразно учитывать и другой момент. При характеристике синодальной версии Нового Завета указывают, что «это был не принципиально новый перевод, а редакция прежнего перевода РБО, завершённого в 1821 году» [21], с которым В. А. Жуковский вполне мог быть знаком.

Для более наглядного представления степени архаизации упомянутых переводов ниже приводится начало Нагорной проповеди (Мтф. 5:1-2) по церковнославянскому тексту Елизаветинской Библии, принятой в богослужебной практике Русской Православной Церкви [4], и его репрезентация в Синодальном переводе [2] и версиях В. А. Жуковского [9] и К. П. Победоносцева [18]. Естественно, вопрос о том, насколько эквивалентно каждая из них передаёт греческий оригинал, в задачи настоящей статьи не входит.

ЕБ: «Узрѣвъ же народы, възиде на гору; и сѣдше ему, приступиша к нему учѣны егѡ. И отверзъ уста своа, учаще ихъ, гла...».

СП: «Увидѣвъ народъ, Он възшелъ на гору; и, когда селъ, приступили к Нему ученики Его. 2 И Онъ, отверзши уста Свои, училъ ихъ, говоря...».

Перевод В. А. Жуковского: «И, узрѣвъ народъ, Онъ взошеть на гору и, когда возсѣль, приступили къ Нему ученики Его. 2. И, отверзши уста, поучалъ ихъ, говоря имъ...».

Перевод К. П. Победоносцева: «1. Узрѣвъ же множество народа, взошеть Онъ на гору; и сѣль, и приступили къ Нему ученики Его. 2. И, отверзши уста Свои, сталъ учить ихъ, говоря такъ...».

Разумеется, делать какие бы то ни было выводы на основе столь незначительного по объёму фрагмента было бы в высшей степени некорректно. И всё же, ограничиваясь лишь поверхностным анализом, можно заметить следующее. Архаично-церковнославянское «отверзши уста свои» находим во всех трёх вариантах, что, возможно, объясняется фразеологизацией данного выражения благодаря высокой частотности его употребления как в Ветхом, так и в Новом Завете [6, с. 458]. К тому же для XIX столетия лексема «отверзнуть» была достаточно привычной в текстах, написанных высоким стилем (ср. у Пушкина: «Отверзлись вещие зеницы...»). Как В. А. Жуковский, так и К. П. Победоносцев сохранили и церковнославянский архаизм «узрѣвъ», тогда как Синодальный перевод даёт общеупотребительное «увидѣвъ». Наконец, у Жуковского находим архаизм «воссел» там, где создатели Синодального перевода и К. П. Победоносцев ограничились нейтральным «сел» (что, кстати, ближе и к церковнославянской версии). Однако думается, что такое «усиление архаизации» у Жуковского отнюдь не случайно. Не исключено, что здесь имеет место своего рода «переводческая компенсация» на лексическом уровне, поскольку в церковнославянском тексте наличествует оборот с дательным самостоятельным (сѣдше ему). Сохранить же его в русском переводе (даже выполненном с «архаизаторских» позиций) вряд ли было возможно. Таким образом, перевод Жуковского в рассмотренном фрагменте действительно выглядит наиболее архаизированным.

Для контраста приводим указанный фрагмент по «модернизаторской» версии В. Н. Кузнецовой в редакции, представленной в «Современном переводе»: «Увидев толпы народа, Иисус поднялся на гору. Он сел, и к Нему подошли ученики. Иисус начал их учить. Он сказал...» [3].

Помимо лексической «деславянизации», бросается в глаза принципиально иное синтаксическое оформление отрывка. Два предложения с достаточно сложной конструкцией разбито на четыре гораздо более коротких, что также явно снижает стилистическую приподнятость повествования, сохранённую во всех «архаизирующих» вариантах. Подобное «упрощение» вряд ли соответствует традиционному пониманию «библейского языка» в отечественной культурной традиции.

Список литературы

1. Березкина С. В. Рецензия на: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа [Электронный ресурс] / пер. В. А. Жуковского; под ред. Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина. URL: <http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/handle/123456789/3622> (дата обращения: 14.03.2013).
2. Библия или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе. Изд-е 2-е. СПб.: Синодальная типография, 1878. 1600+392 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М.: Российское Библейское общество, 2011. 1408 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М.: Российское Библейское общество, 1993. 1488 с.
5. Десницкий А. С. Трудности перевода [Электронный ресурс]. URL: http://otrok-ua.ru/sections/art/show/trudnosti_ perevoda.html (дата обращения: 14.03.2013).
6. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта; Наука, 2010. 808 с.
7. Евсеев И. Е. Собор и Библия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sfi.ru/statja/sobor-i-biblija/> (дата обращения: 15.03.2013).
8. Житие Константина-Кирилла (оригинал и перевод) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etnograf.ru/node/227> (дата обращения: 15.03.2013).
9. Жуковский В. А. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа [Электронный ресурс]. URL: http://biblys.narod.ru/regev_rus/NZ_Jukovskogo.htm (дата обращения: 14.03.2013).
10. Кордочкин А. Святитель Филарет как апологет русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taday.ru/text/770238.html> (дата обращения: 14.03.2013).
11. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-77b.htm> (дата обращения: 14.03.2013).
12. Ломоносов М. В. О пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1980. С. 394-399.
13. Николенкова Н. В. Старославянский язык [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37376.php?PRINT=Y> (дата обращения: 15.03.2013).
14. Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева [Электронный ресурс]. URL: http://korolev.msk.ru/books/dc/E_nSs_Ya_Su2615.txt (дата обращения: 13.03.2013).
15. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / пер. В. А. Жуковского; под ред. Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 565 с.
16. Новый перевод Библии расколол Российское библейское общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsad.ru/index.php?issue=81&section=10000&article=1476> (дата обращения: 15.03.2013).
17. Отношение Церкви к существующим разнообразным переводам библейских книг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1456920.htm.l> (дата обращения: 15.03.2013).
18. Победоносцев К. П. Опытъ къ усовершенствованію перевода на русскій языкъ священныхъ книгъ Новаго Завета К. П. Побѣдоносцева [Электронный ресурс]. URL: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=newt.pobed> (дата обращения: 15.03.2013).

19. Рейфман И. Автограф Нового Завета в русском переводе В. А. Жуковского в Публичной библиотеке Нью-Йорка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0480.shtml (дата обращения: 15.03.2013).
20. Рижский И. М. Русская Библия: история переводов Библии в России. СПб.: Аквалон; Азбука-классика, 2007. 256 с.
21. Российское Библейское общество [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-502056.html?page=3> (дата обращения: 15.03.2013).
22. Старославянский язык [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/STAROSLAVYANSKI_YAZIK.html (дата обращения: 15.03.2013).
23. Тальберг Н. Д. История русской церкви: 1801-1908 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://rpczmoskva.org.ru/wp-content/uploads/talberg_istor_1801-1908.htm (дата обращения: 16.03.2013).
24. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
25. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 347 с.

BIBLICAL TRANSLATION IN RUSSIA: "ARCHAISTS" AND "MODERNIZERS"

Khukhuni Georgii Teimurazovich, Doctor in Philology, Professor
Moscow State Regional University
khukhuni@mail.ru

Osipova Anna Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University
assya@yandex.ru

The authors consider some aspects related to the history of translating the Bible into the Russian language, and mention that the status of Church Slavonic version played the most important role in the development of the Bible translation principles in Russia, and it was actually (although not formally) approved as an officially recognized text of the Russian Orthodox Church and it is still used in liturgical practice. In this regard, when creating the Russian Bible one inevitably puts the question of the extent of its "slavonification" that conditions the presence of both "archaizing" and "modernizing" tendencies in various translations.

Key words and phrases: the Bible; translation; archaism; modernization; text; Russian; Church Slavonic.

УДК 372.881.111

Педагогические науки

Статья посвящена интегративному развитию профессиональной и иноязычной коммуникативной компетенций будущих инженеров в процессе их обучения иностранному языку для специальных целей. Обоснована необходимость такой интеграции и ее осуществления в образовательном процессе. Приведены примеры заданий для интегративного развития обозначенных компетенций у будущих инженеров-физиков на разных этапах процесса обучения.

Ключевые слова и фразы: профессиональная компетенция; иноязычная коммуникативная компетенция; интегративное развитие компетенций; язык для специальных целей.

Цепилова Анна Владимировна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
avt85@ngs.ru

Михалева Любовь Викторовна, к. пед. н.

Национальный исследовательский Томский государственный университет
mikhaleva@mail.ru

ИНТЕГРАТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ©

Дисциплина «Иностранный язык для специальных целей» (Language for Specific Purposes) находится на стыке профессионального и иноязычного образования. Обучение иностранному языку для специальных целей во многом подчиняется тем же закономерностям, что и обучение языку для общих целей. В то же время, являясь элементом профессиональной подготовки лингвистов, этот процесс обладает определенными особенностями. Одной из отличительных черт является то, что учащимся необходимо готовить к иноязычному общению именно в профессиональной сфере, а следовательно, обучать их определенному набору лексических средств, уделять особое внимание к отдельным типам грамматических структур, а также учитывать специфику будущей профессиональной деятельности. Анализ рабочих программ по данной дисциплине [4; 12; 14] показывает, что эта особенность учитывается в основном на уровне формулировки цели – формирование